

П Р О З А

Р О М Е Н А **ГАРИ**

Р **Г** **О** | **А** **М** | **Р** **Е** | **И** **Н**

ПОЖИРАТЕЛИ ЗВЕЗД

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44
Г20

Romain Gary
LES MANGEURS D'ETOILES

© Editions Gallimard, 1966

Перевод с французского *С. Васильевой*

Разработка серии и художественное оформление *П. Петрова*

Гари, Ромен.

Г20 Пожиратели звезд / Ромен Гари ; [пер. с фр. С. Васильевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100063-9

Латиноамериканский диктатор старается сделать все, чтобы продать свою душу. Он совершает самые страшные преступления, чтобы Дьявол его заметил. Кровожадный и свирепый, он боится только одного — искренней, самозабвенной любви женщины, которая хочет спасти возлюбленного и замоливать его грехи. Он не может убить ее — она точно попадет на небеса и выторгует ему спасение, и тогда Дьявол отвернется от него? Да и можно ли действительно продать душу и где найти на нее покупателя?

«Пожиратели звезд» — первая часть американской дилогии Ромена Гари. Своего рода латиноамериканская версия истории Фауста.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44

© С. Васильева, перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100063-9

*Посвящается
Саше Кардосысоефф*

Н О В Ы Й Р У Б Е Ж

Глава I Глава I

Полет отличался приятной обыденностью. Доктор Хорват впервые отважился воспользоваться не американской авиакомпанией и теперь был вынужден признать, что эти парни, стоит им только слегка помочь, быстро усваивают урок. При вылете из Майами вид пилота, которого легче было представить себе на вершине какой-нибудь ацтекской пирамиды, чем за штурвалом боинга, внушил ему некоторые опасения, но они быстро рассеялись после нескольких мягких посадок, гамбургеров и лимонного пирога на обед, а также благодаря изысканной вежливости командира экипажа, который на весьма приличном английском то и дело обращался к пассажирам, чтобы сообщить им название то этого вулкана, то того города, и вообще держал их в курсе происходящего.

Была одна непредвиденная посадка на военном аэродроме в южной части полуострова Сапоцлан¹, где на

¹ Действие романа происходит в вымышленной латиноамериканской стране, поэтому в нем встречается много вымышленных названий — географических и этнографических, названий божеств, некоторых растений, которые употребляются наряду с реальными. (*Здесь и далее — примеч. пер.*)

борт самолета поднялась странного вида дама, маленькая, приземистая, с плечами как у борца, которой почтительно помогал офицер в мундире, представлявшем собой точную копию формы американских военно-воздушных сил. Дама походила на индейского идола, обмотанного красной и зеленой парчой и разноцветными лентами, и словно только что явилась с какого-то фольклорного праздника; на голове у нее красовалась серая фетровая шляпа-котелок, из тех, которыми доктор Хорват уже любовался в туристских буклетах. Ее лицо цвета обожженной глины в обрамлении черных гагатových волос, заплетенных в аккуратные косицы, застыло без всякого выражения, что было очень похоже на тупость. В руках она держала элегантную кожаную сумку и не переставая жевала. Стюардесса почтительным шепотом сообщила, что сеньора — мать генерала Альмайо и что сейчас она, как и каждый год, направляется в столицу навестить сына. Проповедник знал, что авиакомпания является собственностью Альмайо, и воспринял эту неожиданную остановку вполне благосклонно.

Он сидел рядом со смуглым молодым человеком, одетым в элегантный синий шелковый костюм с подбитыми ватой плечами, который беспрестанно улыбался ему, демонстрируя золотые зубы. Он едва мог связать два слова по-английски, и проповедник решил испытать на нем свой испанский язык, находившийся в зачаточном состоянии. Молодой человек, похоже, был артистом, гражданином Кубы, и направлялся в столицу, куда его пригласили работать. Когда доктор Хорват попытался выяснить, в какой же благородной отрасли искусств молодой человек проявлял свои таланты, его сосед вроде бы смутился, произнес по-ан-

глияски что-то похожее — странное дело — на «супермен», на что проповедник, ни на йоту не продвинувшийся в своих изысканиях, лишь одобрительно кивнул и дружески улыбнулся, получив тут же в ответ ослепительное золотое сияние между пухлых губ.

Это была первая поездка проповедника в страну, куда он ехал в качестве личного гостя президента, которого там называли «лидер *мáксимо*»¹. В свои тридцать два года доктор Хорват был весьма выдающейся фигурой в церковных кругах, и слава о нем как о неутомимом и вдохновенном борце с врагами Господа распространилась далеко за пределами Соединенных Штатов Америки. Своей популярностью, влиянием, которое он оказывал на толпу, умением обращать заблудшие души в истинную веру он был обязан прежде всего силе собственной веры, а также (он знал это и не стыдился этого) некоему личному магнетизму и внешности, сильно отличавшейся от того, что мы обычно видим на церковной кафедре, и стоившей ему, конечно же вопреки его воле, прозвища «белокурый архангел». Его иногда упрекали в *showmanship*², любви к зрелищности и в том, что называли его непрерывным стремлением к драматическим эффектам: ему случалось проповедовать, стоя посреди боксерского ринга, что должно было символизировать его битву с Сатаной. Он не придавал большого значения этой критике: во все времена и во всех Церквях поражение воображения признавалось вполне законным методом воздействия, о чем свидетельствовала блиц-поездка папы Павла VI в Органи-

¹ *Исп.*: *líder máximo* — верховный вождь.

² *Здесь*: шоуменство, умение привлечь внимание, произвести эффект (*англ.*).

зацию Объединенных Наций в качестве «пилигрима мира». Он не видел никаких причин оставлять первенство в этом деле за католиками. Бывший чемпион университета по регби, дважды входивший в состав виртуальной «всеамериканской команды», он проявлял в своем миссионерском крестовом походе ту же энергию, ту же волю к победе и ту же боевитость, которые сделали его в свое время одним из самых агрессивных форвардов Соединенных Штатов. В конце каждого собрания, когда он застывал, еще трепеща от возбуждения в пришедшей на смену овациям тишине, с широко раскинутыми, словно крылья, руками над мраком зала, от которого его отделял свет прожекторов, из толпы выбегали мужчины и женщины и, преклонив колена, клялись беззаветно и самоотверженно служить Истине Божией. В своей непрекращающейся борьбе со злом он мог сказать, что тоже стал «лидером максимо».

В прессе имя доктора Хорвата упоминалось чаще, чем имена самых известных кинозвезд. В комментариях, которые он внимательно прочитывал, чтобы быть в курсе реакции противника и его слуг, не было недостатка в сарказме, желчи и ядовитых насмешках. Проповедник принимал поношения с полным равнодушием: сам Господь не был защищен от поруганий. Единственное, что имело для него значение, это результат. Не далее чем за месяц до описываемых событий, проповедуя на нью-йоркском стадионе «Поло-Граундз», он пережил настоящий триумф: народу там собралось больше, чем во время матча Паттерсон — Кассиус Клей, а сборы превысили все, что было зарегистрировано за всю историю стадиона. Он становился самым кассовым шоуменом страны.

Доктор Хорват ежегодно приносил своей церкви около миллиона долларов, свободных от налогов: все эти деньги шли на благотворительность. Сам же он получал лишь обычное положенное пастырю жалование. Вот уже два года как одно крупное рекламное агентство следило за тем, чтобы его имя было столь же привычно для публики, как хлеб насущный. И то верно: разве Истина не является продуктом первой необходимости? И стоит ли стесняться применять для ее распространения новейшие методики? Конечно, нехорошо сравнивать завоевание душ с завоеванием рынков сбыта, однако было бы неправильно, если бы в мире, где действуют законы жестокой конкуренции, Господь не воспользовался бы советами опытных специалистов по манипулированию массами. Оставить Его один на один с врагами, да еще и связанного по рукам и ногам устаревшими условностями и предрассудками, — об этом не могло быть и речи. Нельзя, чтобы Истину постигла участь тех семейных предприятий, что прозябают и всячески хиреют из-за нежелания или неспособности приспособиться к обстоятельствам.

Бывало, в телестудии, пока его гримировали и причесывали, он немного жалел, что не принадлежит к католической церкви: его темно-синий костюм и скромный галстук ассоциировались у него с актерами, репетирующими Шекспира в повседневной одежде. Он завидовал чикагскому епископу Шину, выступавшему на телеэкране во всем великолепии одежд, созданных Римской церковью: с появлением цветного телевидения католики стали выглядеть еще эффектнее. Сам он цветное телевидение не жаловал: черно-белое драматичнее и больше подходит для борьбы между Добром и Злом.

Заранее обдумывая свои эффекты, заботясь о должной постановке того, что недоброжелатели цинично называли его «номерами», он не испытывал ни малейшей неловкости: надо уметь привлечь на свою сторону все преимущества, чтобы оторвать людей от отравленных развратом и насилием программ, которые подсовывает им его противник. Вот уже два года, как его популярность только росла, а самые могущественные коммерческие фирмы соперничали между собой за право финансировать его еженедельный «Час с Господом Богом». Он выражал свою благодарность горячей молитвой, которую возносил совместно с женой и семерыми детьми. Каждую неделю он просматривал «Бюллетень Нильсена», где публиковались рейтинги различных программ: он неизменно держался почти на самом верху и не мог не трепетать от гордости при мысли, что благодаря ему Господь Бог занимает по результатам опросов одно из пяти первых мест, сразу после «Деревенщины из Беверли-Хиллз», «Неприкасаемых» и «Крайслер Комеди-шоу». Каждый раз, когда намечалось малейшее снижение рейтинга, он на несколько часов уединялся в храме для духовного созерцания, чтобы восстановить личную связь с Тем, Кто лучше любого эксперта с Мэдисон-авеню разбирается в человеческой душе и знает, чем ее тронуть. И пусть его упрекали в «дурновкусии», в «духовном донжуанстве» и в слабости, которую он испытывал к «широкоэкранному, цветному кинематографу со стереозвуком», — все это нимало не трогало доктора Хорвата: в этих злобных выкриках он слышал обиженный голос своего великого конкурента, того самого, кто старался всячески усыпить бдительность смертных, чтобы утвердить над ними власть тьмы.

Ибо упоминание Сатаны было для проповедника не каким-то там стилистическим приемом или фигурой речи, а самой живой реальностью: Зло — это ведь не «что-то», а именно «кто-то», некая неусыпная активная сила, всегда готовая к действию, которую невозможно застать врасплох. Он видел, как этот «кто-то» вмешивается во все людские предприятия, организуя их, действуя одновременно на Кубе и во Вьетнаме, прячась под капюшонами куклуксклановцев и ведя антиамериканскую пропаганду в странах третьего мира. О, это был прекрасный менеджер, прекрасный управляющий — в прямом смысле слова, и преподобный Хорват не видел ничего предосудительного и недостойного в том, чтобы и самому взять на себя роль менеджера, встав на защиту интересов Господа Бога.

Так что оскорбления со свистом пролетали мимо его ушей, не достигая цели; обычно он размышлял над этим, скрестив руки на груди, и именно этим был занят сейчас в самолете, пролетавшем над вулканами Центральной Америки, просматривая холодным взглядом последние газетные публикации, которые были у него с собой в портфеле. «Преподобный Хорват вводит в религиозную среду рекламные методы „Кокка-Колы“; очевидно, он питает тайную надежду разлить Господа Бога по бутылкам и наводнить этой панацеей рынки слаборазвитых стран», — писала одна, так сказать, «прогрессивная» газета. «У доктора Хорвата есть несомненный драматический, театральный дар, да и убежденности ему не занимать; только вот интересно, как используемые им методы сочетаются с его саном, а также не содержится ли в его выступлениях изрядной доли гордыни и себялюбия»: таков был ком-